

ЭНТОМОЛОГИЯ КАТИ КАЧУР

— КОМПЛЕКТ ИЗ 3 КНИГ —

Почти счастливые люди. Романы Кати Качур

Катя Качур

**Энтомология Кати Качур.
Комплект из 3 книг**

«ЭКСМО»

2020, 2025

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Качур К.

Энтомология Кати Качур. Комплект из 3 книг / К. Качур — «Эксмо», 2020, 2025 — (Почти счастливые люди. Романы Кати Качур)

ISBN 978-5-04-248478-0

Комплект из 3 книг — платите меньше, читайте больше! В состав входят: «Энтомология для слаонервных», «Капля духов в открытую рану», «Желчный ангел». Комплектом выгоднее, чем покупать книги по отдельности. «Энтомология для слаонервных». История рода Гинзбургов начинается в зное послевоенного Ташкента, где ароматы восточного базара смешиваются с запахами коммунальной кухни. Здесь взрослые спорят и плачут в тесных комнатах, а дети играют в сыщиков и расследуют настоящее убийство. Семейная хроника ведет читателя дальше, через самарское село и холодный север в Москву, отражая историю страны: от послевоенной разрухи до тревог нового тысячелетия.... «Энтомология для слаонервных» — роман в рассказах, и каждый рассказ — как редкий экземпляр в коллекции увлеченного энтомолога: вот нежный шелкопряд хрупкого детства, вот трепетная стрекоза первой любви, а вот целый улей семейных страстей во главе с пчелиной маткой-прабабкой. Здесь детективные тайны раскрывают дети, деревенская идиллия хранит отголоски войны, а тихая лирика отзывается глубокой драмой. Все вместе эти истории складываются в большую прозу о судьбах и смене эпох, о любви и материнстве, выборе и дружбе, обо всем, что делает семью — семьей. «Капля духов в открытую рану». Она знает все потайные ходы и тоннели подпольного парфюмерного мира Москвы. В силу редкого обоняния запахами окрашена вся ее жизнь — любовь, восторг, разочарование. За плечами блестящее журналистское прошлое, поклонники, завистливые взгляды. Впереди — пропасть. Признание сменилось забвением, восхищение — насмешкой. Она сливается с толпой в многоликом городе и не подозревает, что остается непокоренной звездой для человека, который смотрит на нее с огромных билбордов столицы. Он — на

вершине славы, она – у подножия. Чем закончится эта болезненная страсть? «Желчный Ангел». Хирург Вадим Казаченко оперирует известного писателя Сергея Грекова и извлекает на свет божий камень, который оказывается... бриллиантом с фигурой ангела внутри. Находке нет научного объяснения, и, чтобы не прослыть сумасшедшим, молодой врач не рассказывает о случившемся ни коллегам, ни самому пациенту. Вадим оставляет камень у себя — и ему начинает несказанно везти. Профессия, которая еле позволяла сводить концы с концами, теперь приносит внушительный доход, Казаченко становится хирургом с именем, и даже красавица-соседка Марго отвечает взаимностью на его чувства... Жизнь писателя Грекова, напротив, разваливается на части — и он тянет за собой в пропасть всех, кто оказывается рядом. Шаг за шагом таинственный камень, чья история уходит в далекое средневековое прошлое, коварно путешествует от одного героя романа к другому, вовлекая своих хозяев в странную и жестокую игру. И каждый из последующих владельцев обязан сделать выбор. Вот только цена этого выбора оказывается непомерно высокой... В романе «Желчный Ангел» Катя Качур размышляет на тему жизни и смерти, случая и неизбежности, в своем фирменном стиле: с теплой иронией и любовью к людям. *Цена комплекта рассчитана исходя из базовых цен. Во время акционных предложений цена отдельных книг может меняться.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248478-0

© Качур К., 2020, 2025

© Эксмо, 2020, 2025

Содержание

Энтомология для слаонервных	6
Предисловие	7
Виньетка тутового шелкопряда	8
Голова	8
Эля	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Катя Качур
Энтомология Кати Качур.
Комплект из 3 книг

Энтомология для слаонервных

© Качур Е., текст, 2026

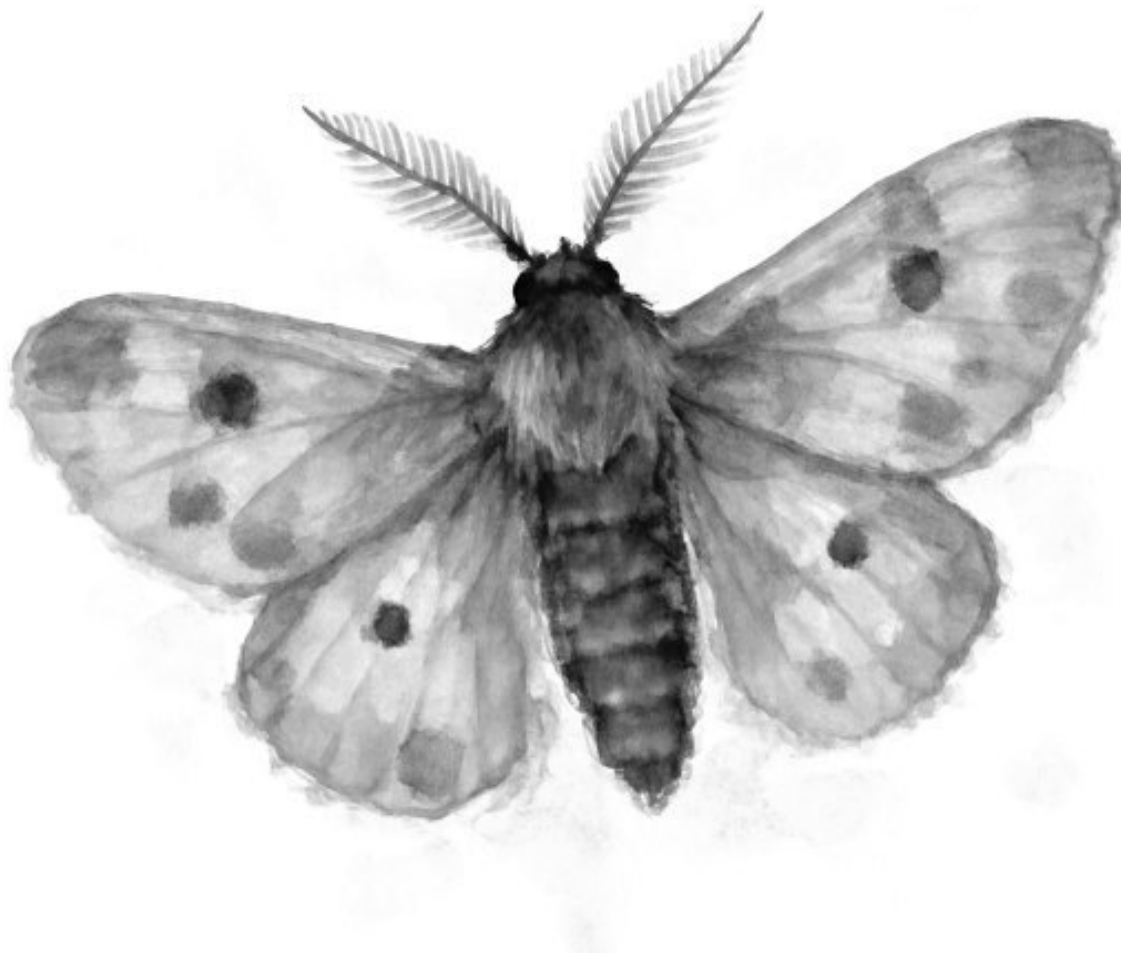
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Предисловие

Я помню запах каждого лета в своей жизни. Даже в лютые морозы я слышу, как благоухает июнь, как дурманит июль, как щекочет ноздри спелый август, как запоздало цепляется к вечному празднику увядающий сентябрь. Я вижу развитие природы в цикличности жизни насекомых. Я – энтомолог, учёный с мировым именем. У меня сотни собранных коллекций. Эндемики, космополиты, реликты, синантропы. Будете смеяться, но я храню в памяти каждый экземпляр: где пойман, в какой местности, в какой день, час, при каких обстоятельствах. Что делали в этот миг моя мама, мой папа, моя бабушка, моя старая прабабка. Качали меня в колыбели, ждали из экспедиций, разыскивали по всему миру, находили, обнимали, пили чай, ели беляши, хохотали, рассказывали байки. О, мифы и легенды моей семьи – это отдельные страницы, нет, сборники, тома, фолианты... И каждое сказание – перл, крупная жемчужная бусина на золотой нитке воспоминаний. А для меня, «чокнутого зоолога», как шутят до сих пор мои дети, это коллекция с отборными особями класса Insecta. Одна особь – одна история. А вместе они собраны в мой бесконечный учебник жизни. В мою хрестоматию. В мою личную «Энтомологию». Если вы сентиментальны и слабы нервами – вам стоит это почитать. Поплачьте. Посмейтесь. Посомневайтесь. Поверьте на слово. Для пущей документальности подброшу вам старую тетрадку стихов от женщин моей семьи. Не карайте, не судите строго. Это о любви. Жестокой, прекрасной, всепоглощающей...

Ваша О. Г.

Виньетка тутового шелкопряда

Голова

Как только Аркашка Гинзбург продрался сквозь засаленные юбки молочниц и окровавленные штаны мясников, его пробил сильнейший озноб. В проёме двери рыночного туалета, во второй дырке от входа виднелась мёртвая мужская голова с приоткрытым ртом и глазами, залепленными отвратительной коричневой жижей. Хозяин головы находился ниже уровня досок, на которые люди вставляли ногами перед тем, как спустить штаны. Аркашка, покрываясь гусиной кожей, сделал ещё несколько шагов и оказался внутри общественной уборной. Теперь ему было видно лицо утопленника – оно скорбело, на залитых человеческими испражнениями губах застыла горькая усмешка. Ледяная игла пронзила Аркашкин позвоночник и вышла из затылка, притягивая к себе волосы. Кто-то толкнул его в спину, и он упал на колени, оказавшись нос к носу со зловонным покойником. Аркашка попытался вскочить на ноги, но его тело будто парализовало. Он хотел зажмуриться, но глаза предательски уставились на прилипшие ко лбу мертвеца волосы и жёлтые зубы, обнажённые в левом углу рта. Сзади Аркашку схватили за резинку на штанах и выволокли на улицу, пинком под зад придав направление его полёту. Ударившись головой о лоток с арбузами, он очнулся, и звенящую тишину его ужаса наконец прорвали крики толпы. Женщины выли, мужчины о чём-то громко спорили.

– Ну что, видел жмурика в говне? – к Аркашке подскочил одноклассник Лёвка Фегин.

Он попытался ответить, но тугая волна подступила к горлу и выплеснулась наружу маминым форшмаком. Лёвка Фегин ловко отскочил, замарав только носок жёваного ботинка.

Вечером у Аркашки поднялась температура. Бывший полевой врач дядя Додик – сосед по маленькой четырёхкомнатной квартире в кирпичном доме на улице Полторацкого – прохладной сухой ладонью убрал со лба мальчика вспотевшие волосы и, обернувшись к матери, грустно произнёс:

– В этом мире нельзя быть таким впечатлительным, Бэлла.

Аркашка Гинзбург был впечатлительным. Он знал за собой этот грех и ничего не мог поделать. Под лысой головой с огромными ушами, растущими строго перпендикулярно черепу, скрывался могучий на выдумки мозг. Он домысливал едва увиденное и услышанное до мельчайших деталей: будь то рассказ болтуна Лёвки Фегина или математическая формула, выведенная на доске Людмилой Ивановной.

– Величайшего ума мальчик, – говорила Людмила Ивановна матери, навещая Аркашку в момент острой пневмонии, – только болеет часто. Скажите спасибо, что в век пенициллина живём – иначе бы труба! И знайте, – она понижала голос до шёпота, – он станет академиком! Или будет в правительстве сидеть!

Бэлла Абрамовна Гинзбург вздыхала, а у Аркашки перед глазами вставали плакаты членов Политбюро во главе со Сталиным, которыми были увешаны стены его ташкентской школы и расцвечены первые страницы учебников. Он буквально наяву видел, как Лёвка Фегин открывает литературу за третий класс и с тыльной стороны обложки между Молотовым и Ворошиловым обнаруживает его, Аркашкино, ушастро-лысую голову.

– А ты говорил, в ЦК – специально сделанные люди, – подденет Леночка из соседней девчачьей школы, – а вот он, Аркашка, сидел во дворе с нами, а теперь сидит там, – и возденет глаза к небесам, закатывая зрачки и являя миру тыльную сторону своего белейшего ока с сеточкой розовых сосудов.

Лёвка фыркнет, обмакнёт перо в чернила и начнёт с усилием рисовать на Аркашкиной фотографии очки, бороду и рога.

В этот момент Гинзбург ёжился и ощущал, как кожу на лбу и возле носа царапает раздвоенное перо, а чернила противно въедаются в поры. К вечеру на его лице возникала красная сыпь, по форме напоминавшая очки.

На этот раз Аркашку трясло. Он представлял, как тонет и захлёбывается в гуще испражнений, отплёвываясь и глотая отвратительную фекальную массу, которая наполняла желудок и лёгкие, как бочковое пиво папину военную флягу. Мама готовила что-то вкусное на керогазе. В комнату, постучав, попытался войти Гриша – красивый, статный мужчина, служивший, как и отец, военпредом на авиационном заводе. Он открыл дверь и споткнулся о раскладушку, на которой разметался Аркашка, перегораживая вход. Обычно раскладушку ставили поздно вечером, когда все ложились спать, и убирали с подъёмом. И лишь во времена Аркашкиных болезней её не складывали даже днём.

– Бэллочка, насыпь соли жмень, – обратился Гриша к матери, перешагивая через Аркашкино ложе, – а ты что, малой, опять киснешь? – подмигнул он пацану.

– Дядя Гриш, посиди со мной, – хриплым голосом попросил Аркашка, – мне страшно.

– Чего? – присвистнул Гриша.

– А ну всех начнут в туалетах топить? – Аркашка натянул одеяло до уровня глаз.

– О, началось! Тебя точно не утопят.

– Почему?

– Ты же отличник, октябрёнок, пионером вот-вот станешь, тебя-то за что?

– А его за что?

– Наверное, плохо учился, выгнали из комсомола, – предположил Гриша.

– Гриня, а правда, что слышно? – переспросила мать, протягивая ему соль в бумажном кульке.

– А я знаю? Поди, шобла бандитская порешила, перебежал дорожку кому-нибудь. Ранение у него ножевое в боку оказалось.

– Личность-то опознали?

– Да, отмыли, десять вёдер воды вылили, старлей из районной милиции вроде опознал – вор он, проходил по краже в доме Харузовых как соучастник, да не хватило улик, чтобы посадить.

Гриша подмигнул Аркашке и вышел в коридор, неровно стуча сапогами – осколки немецкого снаряда, раскроившие бедро, сделали его походку неустойчиво-раскосой.

За стеной слышались гортанное пение и смех – проснулась сумасшедшая Лида. Через десять минут из щелей потянуло чем-то горелым.

– О! Мишигине ¹ снова кашу сожгла, – вздохнула мать, – придёт тот день, когда она нас всех спалит, попомни моё слово!

У матери Лида всякий раз вызывала брезгливый страх: своим горящим безумным взглядом, рыхлым бесформенным телом, абсолютно белой прозрачной кожей и полным отсутствием бровей, да и вообще любой растительности на теле. Кроме светло-пшеничной косы и белёсых ресниц у неё не было ни одного волоска ни на руках, ни на ногах. Из-за этого Лида казалась чем-то средним между ангелом и лягушкой-альбиносом. Всем недовольным Лида совала в нос потрёпанную бумажку, где неразборчивым почерком на латыни было что-то написано и стояла фиолетовая печать. По факту это означало, что она официально признана душой и может делать всё, что заблагорассудится. Сколько Лиде лет – не знал никто. Предполагали, от восемнадцати до сорока. Раньше за ней ухаживала родная тётка, кормила, одевала, водила за руку по улицам, заходила в лавки и на рынок. Лида всегда ржала, как лошадь, задирая верхнюю губу и обнажая красивые перламутровые зубы, она любила внимание, и чем больше в неё тыкали пальцем, тем громче смеялась. Впрочем, вскоре к Лиде привыкли. Женщины на рынке часто совали ей в карман фартука конфеты, изюм, яблоки. Пацаны – какашки, камни и жуков. Лида была одинаково рада и тому и другому. Мужики не упускали возможности ущипнуть её за дебелий зад и пухлые, болтающиеся под цветастым ситцем груди. Её безумие их возбуждало. Нередко, в байках между собой, они имели Лиду и так и эдак, но дальше слов не заходило – родственница охраняла её, как сторожевая собака. Умерла тётка в одночасье. Лида осталась одна, шефство над ней неформально взяли соседи по квартире – жильцы четырёх комнат, среди которых были семья Гинзбург, Гриша и врач дядя Додик. Её перестали выпускать на улицу, покупали продукты на государственное пособие и с каждого обеда оставляли куски – то пирог, то рыбу, то плов, то кашу. И Лида, всякий раз подогревая еду на примусе, наполняла двор запахом гари.

– Ма, можно я к Лидке пойду червей кормить? – оживился Аркашка, учуяв знакомую вонь, – мне уже лучше!

– Что у вас общего с этой мишигинской женщиной, не могу взять в толк, – проворчала мать, – иди, только раскладушку сложи с прохода, пока мы все тут ноги не переломали... И сними с примуса её кастрюлю, если она ещё жива...

Уже через пять минут Аркашка был во дворе своей школы под тутовниками, высаженными в ряд по периметру забора. Подпрыгнув, он подцепил нижнюю ветку и начал обрывать листья, погружая их в край рубашки, завёрнутой на животе. К Лиде прибежал вспотевшим, радостным, забывшим про голову и кошмарные ночные видения.

– Аргаша пришёл... – заулыбалась рыхлая Лида, впуская соседа в комнату, – ягоды принёс?

– Лид, ягоды в августе закончились, каждый раз тебе говорю. – Аркашка деловито прошёл в угол, где на сундуке стояли три коробки из-под обуви, в которых на зелёной подстилке из

¹ Мишигине – сумасшедшая (*искаж. идиш*).

листьев разной свежести копошились серовато-блестящие червяки тутового шелкопряда. Они с Лидой сели на пол, Аркашка аккуратно разложил по коробкам сорванные листья.

– Уууу, мои кецелы ², – засмеялась Лида, вороша червяков белыми пальцами с розовыми прозрачными ногтями. Одного из них, самого жирного с серыми бородавками на тельце, она поднесла к пухлым губам:

– Глааденький, нееежный такой! – и протянула его Аркашке.

Он аккуратно двумя пальцами принял шелкопряда из её рук и тоже поднёс к губам.

– Ага, пахнет шелковицей! – блаженно произнёс Аркашка. – Назовём его Мусей.

– Муузьяа! – попробовала на вкус это имя Лида и снова задрала верхнюю губу в лошадином смехе.

Мусю опустили на свежий лист, он деловито прикрепился задним своим концом к поверхности и изогнулся подковой.

– Сейчас начнётся, – произнёс Аркашка, и они замерли, словно перед титрами трофейного фильма в городском кинотеатре.

Шелкопряд вгрызся в край листа и методично, с точностью ювелира, начал обкусывать зелёную плоть, оставляя за собой волнистую дугообразную линию.

– Кушает, – с замиранием сердца произнесла Лида.

– Хрумкает, – подтвердил Аркашка.

Они соединились лбами над коробкой шелкопрядов, и Аркашке в нос ударил Лидкин запах – странный, чуть сладкий, чуть солёный, животный, не приятный, но и не противный. Запах исходил от её груди, подмышек и вечно влажных кипенно-белых ладошек. Они уже два года вместе выращивали шелкопрядов, наблюдали, сидя голова к голове, весь цикл их земного существования, и когда червяки, впад в нирвану, наматывали вокруг себя космический кокон, относили их на фабрику и получали вознаграждение. Как эти деньги делились между Лидкой и мамой, Аркашка наверняка не знал. Возможно, мама брала их себе и покупала «мишигине» новое платье или кастрюлю, потому что Лидка точно бы постирала купюры в тазу или отдала в окно подросткам за кружку пива. В любом случае поход на фабрику был для неё событием, и она долго потом вспоминала и рассказывала всем, как «вот этими ручками заработала себе копеечку».

– Скоро оденутся мои хорошие в белые одежды, получим денежку, куплю себе новое платье и выйду замуж за принца! – размечталась Лидка.

– А принц-то есть у тебя? – спросил Аркашка.

– Есть. Он мне колечко подарит, на море увезёт. И убьёт драгона. – Лидка любила заменять глухие согласные звонкими, за счёт чего её речь будто переливалась колокольчиками.

– Сама придумала? – уточнил Гинзбург.

– Он сказал. Он умный. Добрый. Я верю ему.

– Когда же ты с ним познакомишься успела?

– Не разгажешь никому?

– Зуб даю. Никто ничего не узнает. – Аркашка нетерпеливо дёрнул Лиду за юбку.

– Он ходит ко мне в окно ночью, – прошептала она на ухо, – и носит мороженое. Он любит меня.

Аркашка замер на месте. Он сидел некоторое время, пытаясь понять, зачем ему эта информация и как на неё реагировать. Тишина вокруг была такой всеобъемлющей, что слышалось, как Муся и ему подобные поглощают листья тутовника.

– Я пойду, – не выдержав погружения в тайну, произнёс Аркашка, – мама сказала, надо выключить примус, кастрюля горит.

² Кецелы – котятки, хорошенькие (*искаж. идиш*).

Во дворе, образовав большой неровный круг, уже собрались пацаны всех возрастов и мастей. Увидев их, Гинзбург мгновенно забыл, о чём говорила ему Лида.

– Давай в ляngu³, второй тур уже! – крикнул ему маленький коротконогий Мишка. – По копейке сегодня!

В середине круга восьмиклассник Лёха Палый подбрасывал внутренней стороной стопы шерстяной диск с утяжелителем под ровный счёт ребятни: двадцать три – двадцать четыре – двадцать пять...

Аркашка машинально запустил руку в карман брюк, подхваченных верёвкой, и нащупал там три копеечные монетки, перемешанные с горстью семечек. В кармане холщовой куртки всегда лежала наготове его гордость – лянга из кожи лисицы с длинным рыжим мехом, которая планировала в воздухе как парашют и вызывала зависть у всего двора. Аркашка лично пришивал островок лисьей кожи, привезённый ему дядей Додиком, к трёхсантиметровой свинцовой пуговице. Свинец они с Лёвкой Фегиным нарезали с кабеля, украденного и спрятанного старшими ребятами в яме под забором. Даже у дворового авторитета Лехи Палого не было такой шикарной лянки. Его собственная – из шерсти верблюда – смотрелась рядом с Аркашкиной лисьей как вышедший на волю рваный зэк в сравнении с женой зажиточного мясника.

– Давай, умник, люры⁴ пошли, не подведи! – крикнул маленький Мишка.

Аркашка, слывший во дворе «умником», вышел на середину круга, подкинул ляngu и в прыжке из-под бедра начал отбивать её тыльной стороной ноги. Паря в воздухе, словно семя одуванчика, меховая шайба всякий раз приземлялась точно на Аркашкину прыткую лодыжку.

– Скачет как обезьянка, – сплюнул Лёха Палый, – умный, а верткий!

В толпе показалась веснушчатая морда Лёвки Фегина. Он при хрупком телосложении не обладал прыгучестью и меткостью, а потому всегда появлялся к концу игры и драл горло за победителя.

– Ар-ка-ша, Ар-ка-ша, – скандировал Лёвка под общий вой и улюлюканье, пока его друг отдувался в кругу на тридцать шестом прыжке.

Мокрый Гинзбург получил свои три копейки и отошёл в сторонку, ведомый под локоть Лёвкой Фегиным.

– Завтра утопленника хоронят в десять, – сообщил Фегин.

Казалось, все информационные потоки Ташкента имели точку пересечения в Лёвкиной голове. Он с точностью, которой позавидовал бы милицейский оперштаб, знал, где, что и во сколько.

– А школа? – Аркашка манжетой рубашки вытирал струйки пота на лбу.

– Уйдём на второй перемене, пропустим русский, потом вернёмся.

– Русичка маме нажалуется.

– Скажем, что у тебя заболел живот, а я тебя до дома провожал. А потом разболел, и мы обратно пришли.

На следующий день, оставив портфели в подвальном воздуховоде школы, они влились в жидкие ряды провожающих покойника в последний путь. Процессия двигалась по дороге вдоль длинного арыка к катафалку, стоящему возле площади Кафанова. Люди шли тихо, лишь изредка воздух резали отчаянные всхлипы матери. Пацаны протиснулись сквозь толпу и вынырнули рядом с гробом. Аркашка, как всегда пытаясь зажмурить глаза, раскрыл их ещё шире. Волчий азарт познания был выше желания забиться в глухую нору и ничего не видеть. Покойник выглядел ухоженным, чистым, с такой же, как и в первый раз, горькой ухмылкой на лице, фрагментом жёлтых зубов в просвете приоткрытого рта и небольшим выбитым крестом

³ Лянга – игра с использованием лянки – волана из шерсти на свинцовой пуговице.

⁴ Люра – один из способов удара по лянге.

на шее, позади левого уха. Аркашка заметил этот знак ещё в общественном туалете, а потому вытянул указательный палец.

– Видел? – шепнул он на ухо Лёвке.

– Ага, значит, принимает свою судьбу, – ответил Фегин, с ловкостью гадалки интерпретирующий любую тюремную наколку.

Перед ними две женщины в чёрном тихо переговаривались.

– Кто-то мощный его утопил, высокий, с огромной силой, думают на Дикого, авторитета, – сказала одна скорбно.

– Так Дикий сидит! – вскинулась вторая.

– Ага, сбежал, как и все другие во время землетрясения!

– Жди беды теперь...

Аркашка вздрогнул. Он знал из заголовков газет и разговоров родителей, что в Ашхабаде подземным толчком разрушило тюрьму и весь бандитский сброд рассредоточился по ближайшим городам и весям.

– И Равиля нашего затаскали по допросам, – добавила всезнающая.

– А Равиль-то при чём?

– Да видели его выходящим из туалета ночью. А наутро там труп и нашли. Говорят, потом нож из дерьма выловили, которым его в бок-то пырнули, – классическая Равилева заточка.

Аркашка с Лёвкой переглянулись, обменявшись молниями ужаса в глазах.

Равиль был их кумиром: громадный хмурый точильщик ножей с мускулистыми руками и выпуклыми жёлтыми ногтями на волосатых пальцах. Аркашка с отцом нередко приходили к нему в самый дальний угол рынка и приносили пару-тройку кухонных ножей и бритв. Равиль брал их из папиных рук с видом рыцаря в процессе обряда посвящения. Сначала в лезвие бритвы вгрызался серый точильный круг, наполняя рынок визгом падающего истребителя, затем Равиль на ленте из замши с обеих сторон доводил клинок до кристального совершенства. В конце обязательно был ритуал, которого Аркашка всякий раз ждал и всякий же раз цепенел от жуткого восторга. Равиль резким движением вырывал с головы отца тёмно-русый волос и, артистично подняв руку, разжимал два пальца, как фокусник в цирке. Волос пером жар-птицы описывал небольшие круги, медленно парил, качаясь вправо и влево, затем касался бритвы и, рассечённый надвое, падал на край станка.

– Браво, Равиль, вот это работа! – восхищался папа, доставая деньги.

Мама, правда, недели две после заточки резала пальцы на кухне, ругалась и потихоньку елозила ножом о край стола, чтобы притупить лезвие.

– Равиль же в моём дворе живёт! Такой здоровяк, как он, запросто мог бы затолкать в дырку сортира взрослого человека. – Голос Фегина вывел Аркашку из оцепенения.

– Всё, тикаем отсюда, – прошипел он, ткнув Лёвку под лопатку.

Они пригнулись, лавируя между коленями скорбящих, как мелкие рыбёшки в косяке ставрид, и всплыли в конце процессии. Аркашка наткнулся на мужика в черном пиджаке и поднял обезумевшие глаза. Перед ним оказался сосед Гриша, замыкавший с двумя милиционерами печальное шествие.

– А ты что здесь делаешь, малой? – опешил он.

Аркашкина кожа опять покрылась инеем, по спине рисунком треснувшего льда прошёлся удар тока.

– Я... это... мне на русский надо, – пролепетал он и дёрнулся влево, спотыкаясь и догоняя скачущего саранчой Лёвку.

После учёбы они гуляли в вязком молчании. Порывистый ветер метал взад-вперёд чернявый чубчик Фегина под пыльной вышитой тибетейкой, Аркашкин же миллиметровый ёжик, каждые две недели бритый машинкой, был незыблем, как бронзовый Маяковский в школьном коридоре.

– Жаль, что у покойника глаза закрыты, – поддел сухую ветку Лёвка.

– Почему?

– Знаешь, как раскрыли убийство мужика, который лежал неделю назад возле арыка?

– Ну?

– В его зрачках отразилось лицо убийцы!

– Да ладно! – Аркашка понял, что ему обеспечены ещё две бессонные ночи с ужасными фантазиями на тему фотографических свойств роговицы глаза.

– Нам тоже нужно поменьше совать свой нос в такие дела, – продолжил Фегин, без облупленного носа которого не обходилось ни одно районное происшествие. – Знаешь, что делают уголовники с теми, кто оказался свидетелем?

– Убивают? – Аркашка в ужасе заморгал огромными ресницами, которые не позволяли ему плотно закрыть глаза даже во время сна.

– Нет! Хлещут ножом вот так, чтобы человек ослеп! – Лёвка полоснул палкой на уровне зрачков. – Особенно это тебя касается: растопыришь зенки – утопнуть можно!

Аркашка в который раз пожалел, что родился таким уродом. Фегин с его узбекскими, завёрнутыми вовнутрь черными глазками казался ему верхом природной эволюции, направленной на защиту человека от криминальных поползновений. В Аркашкиных бездонных морских глазищах действительно тонули все – от учениц соседней девчачьей школы до маминих сестёр и подружек: «Какие глаза, Бэлла, сапфиры в огранке из чёрных бриллиантов!»

Теперь Гинзбург зажмурил свои сапфиры, представляя, как заточенный Равилем клинок рассекает его небесные радужки. Воображаемый мир залился кровью, он закрыл голову руками и замотал головой. Его ум был истощён и измучен. От Лёвкиных бредней тошнило, хотелось быстрее сесть за математику и уйти с головой в логичную последовательность действий, которая припорашивала воспалённый мозг, как первый снег вонючую грязь.

В ближайшие дни Аркашка чувствовал себя скомканной газетой. Тревога заполнила всё его тело, растекаясь по мельчайшим капиллярам от кончиков пальцев до кончиков ушей. Он ходил по улицам с прищуренными глазами, исподлобья рассматривая фигуры крупных незнакомых мужчин. В каждом виделся убийца или сообщник. Аркашкина душа устала от страха и стремилась расслабиться дома рядом с папой или дядей Додиком, но ноги зачем-то несли его вместе с Лёвкой на городские задворки, в промышленные зоны с унылыми бетонными заборами, индустриальными свалками и огромными пустырями, идеальными для совершения кровавых преступлений. Фегин травил Аркашку жуткими историями, нагнетал, провоцировал, строил безумные гипотезы и тут же находил им подтверждение в виде дохлой собаки или доски с ржавыми гвоздями, облитыми красной краской. С его подачи они начали следить за Равилем, который стал куда более хмурым, и зачем-то ещё раз обследовали рыночный туалет. Дождавшись закрытия рынка, они юркнули внутрь и просветили фонариком все дыры.

– Мы должны найти улики, ускользнувшие от следствия, – скомандовал Лёвка и, когда друг наклонился над очередным отверстием, резко гаркнул над его ухом.

Аркашка вздрогнул, потерял равновесие и упал перед дырой на локти, измазав школьную рубашку.

– Дурак ты! – сорвался он на Фегина. – Я больше не играю в сыщиков. И вообще мне надо к контрольной готовиться.

– Давай-давай, умник! Только помни, мы много знаем, за нами следят! – припугнул Лёвка.

Во дворе было темно и пусто. Пахло первыми подсохшими листьями и канифолью. Аркашка обожал этот запах, исходящий из Гришиного светящегося окна, и по привычке постукивал по стеклу:

– Дядь Гриш, я зайду?

– Давай, – донеслось изнутри, и он кинулся в подъезд.

Гриша был известным радиолюбителем и всё время что-то лудил в своей комнате. Пацаны прозвали его «Паяльником». Аркашка, прикрыв за собой дверь, сел рядом с ним на табуретку и замер от удовольствия. Раскалённым медным жалом того самого паяльника Гриша плавил кусочек янтарной канифоли.

– Подай резистор, – скомандовал он.

Аркашка, распираемый гордостью, подцепил пинцетом черный сантиметровой цилиндр из картонной коробки и положил на металлическую подставку, где происходило главное действие. Гриша набрал на кончик серебристый сплав олова, быстро окунул в канифоль и ловко соединил между собой волоски проводов. Аркашка блаженно втянул пары податливой канифольной смолы. Облаком Аладдиновой лампы они поднимались к потолку, выползали из дверных щелей в коридор и через окно вырывались во двор. В комнате Гриши этим запахом было пропитано всё, да и сам хозяин ходил насквозь пропахший канифолью, выдавая себя на расстоянии, где бы он ни появлялся.

– Что ты делал на похоронах? – строго спросил Гриша.

– Да ничего, – ответил Аркашка, – просто мы с Лёвкой ведём своё расследование.

– И что же вы расследовали?

– Какой-то огромный мужик его порешил, типа сбежавшего Дикого или Равиля-заточника, – сумничал Аркашка. – Вы маме только не говорите, что я школу прогулял.

– Ты бы не совался, куда не следовало, детектив, а то уши твои оторвут вместе с головой. – Гриша криво усмехнулся.

– Но вы же меня защитите, дядь Гриш?

– Защищу... если успею. – Он опустил голову и набрал на жало паяльника ещё немного припоя.

Глядя на крупные кисти радиогения, Аркашка с облегчением выдохнул. За Гришиными мощными плечами он чувствовал себя как за каменной стеной.

Эля

Предпраздничная возня наполняла квартиру радостью, жильцы суетились, носились с кастрюлями и чанами, в воздухе пахло едой – к отцу вот-вот собирался приехать брат с семьёй. Встреча была долгожданной – они не виделись с фронта, после войны семью раскидало по разным республикам, – а потому приглашались гости, обсуждалось меню и готовился пёстрый стол. Аркашка постоянно попадался под ноги взрослым, об него спотыкались, чертыхались, давали пинка и посылали во двор. Но это младшего Гинзбурга не смущало. Он делал всё, чтобы не встречаться с Лёвкой и отдохнуть от маниакальных идей. В классе, правда, пришлось увидеться с Фегиным и вытерпеть презрительную насмешку:

– Пока ты будешь набивать себе живот, я продолжу дело. Посмотрю, кто ходит к Равилю точить ножи. Послежу за его домом.

Аркашка обрадовался, что следствие обойдётся без него, и с головой окунулся в праздничную канитель своей квартиры. Папин брат Борис вместе с женой Груней и дочкой Элей приехали в субботу рано утром. Аркашка уже сложил свою раскладушку, почистил зубы и собирался уходить в школу, как в комнату ввалились эти трое под радостные возгласы мамы и папы. Взрослые, бросившись друг другу на шею, громко чмокались вытянутыми губами, крест-

накрест обнимались, хлопали растопыренными ладонями по спинам, пытались заграбастать в кучу детей, но Аркашка с Элей выпадали из общего месива и волчками смотрели друг на друга. Из комнат в коридор вышли соседи, восторженные крики стали гуще, объятия шире, радость ярче и звонче.

– Мама всё время говорит, что ты очень умный. Поэтому я тебя ненавижу. – Эля хмыкнула и хрупкой рукой поправила чёрные вьющиеся волосы.

– Не такой уж я и умный, – обиделся Аркашка, – да и ты мне совсем не нравишься. Я вообще девчонок на дух не переносу.

После школы за общим столом их, как назло, посадили рядом. На скамье, сооружённой из длинной доски на двух ящиках, было так тесно, что нога Аркашки коснулась Элиного худого бедра. Оба фыркнули и старались смотреть в разные стороны, но входящие один за другим гости прижимали их друг к другу ещё ближе. Взрослые громко смеялись, чокались, говорили длинные тосты, из радиоприёмника, принесённого Гришей, рвалась бравурная музыка. Аркашка набросился на плов и с удовольствием разглядывал гостей. Борис – тоже военный медик, как дядя Додик, казался копией папы, но в каком-то более богатом, буржуазном исполнении. Тёмная шевелюра его была пышнее, фигура крепче, зубы ровнее, и, улыбаясь, он походил на звезду зарубежных фильмов. Груня – женщина с медной копной волос – всё время прижималась к его плечу и освещала мужа нимбом безусловной любви. Оба излучали благодать и радушие, в отличие от дочки, которая своей неприязнью и острым бедром как занозой колола Аркашкино самолюбие.

– Кто это? Она что, чокнутая? – шепнула вдруг Эля Аркашке на ухо, кивая в сторону Лидки.

«Мишигине» белым пальцем мешала в тарелке остатки еды, бормотала себе под нос и смеялась невпопад, задирая верхнюю губу.

– Она немного того, но добрая и хорошая, – ответил Аркашка, – мы с ней шелкопряда выращиваем.

– А кто из этих её муж? – Эля метнула взгляд на Лидкиных соседей по столу.

– Да ты сдурела, что ли! – вскинулся Аркашка. – Справа дядя Гриша, вместе с папой работает. У него в войну ногу чуть не оторвало, а ещё он мастер в радиоделе. Мировой мужик, мой герой. Он таких женщин в кино водит, вообще глаз не оторвать! А слева дядя Додик – военный врач, как и твой отец. У него жена год назад умерла, ему никто не нужен.

– А что это один ей всё время еду в тарелку подкладывает, а другой постоянно рот полотенцем вытирает? – Эля хитро прищурилась.

– Дура ты! За Лидкой все присматривают. Вот и мама ей хумусом лепёшку мажет, и папа хурму чистит. Потому что она сама вся перепачкается. За ней глаз да глаз нужен.

– Знаешь что! Это ты дурак! Оба твоих дяди по-особенному на неё смотрят, не как все, понял! Ты, наверное, только и умеешь, что червячков выращивать, – поддела Эля, – а наблюдательности – ноль!

– У меня наблюдательности ноль? – Аркашка вскипел от негодования. – Да мы с другом, если хочешь знать, настоящее убийство расследуем!

Эля изменилась в лице, словно внутри щёлкнули переключателем. Её пренебрежительность превратилась в крайнее любопытство и уважение.

– Изложи факты! – скомандовала она, будто вызвала на ковёр подчинённого опера.

– Ну, не здесь же... – Аркашка оторопел от её решительности, просчитывая, что скажет Фегин о посвящении в тайну малознакомой девчонки.

– Срочно уходим. – Эля попыталась встать с лавки, но только качнулась взад-вперёд в плотном окружении соседей.

– Ныряем под стол. – Аркашка дёрнул её за руку, и они сползли вниз, оказавшись в буреломе разнополых, разнокалиберных ног.

Пробираться пришлось на четвереньках по шершавому, давно не крашеному полу мимо потёртых голубых туфелек мамы, шикарных, с блестящими пряжками, босоножек тёти Груни, щеголеватых лаковых ботинок её мужа Бориса, шестерых военных сапог папы с дядей Гришей и дядей Додиком и тканевых открытых тапочек Лидки, из которых во все стороны торчали зефирные пальцы с отколотыми по краям розовыми ногтями. На таком же сливочном её колене лежала крупная мужская рука. Впереди замаячил небольшой просвет, который сулил освобождение. Аркашка с Элей протиснулись сквозь него и ползком же, не привлекая к себе внимания, покинули комнату. Пока двоюродная сестра вынимала занозы из коленок под светом фонаря во дворе, Аркашка в красках описал суть дела.

– Так себе разработочка, – наконец сказала Эля, – зачем нужно было ходить по пустырям и сочинять сказки? Только время потеряли.

– Ну а ты бы что сделала?

– Во-первых, нужно иметь доступ к данным следствия. Подружиться со следяком, который ведёт дело, его женой или детьми. Понять, какие у них улики, кроме этого ножа. Во-вторых, выяснить, есть ли ещё подозреваемые и какие у них мотивы. Вот какой мотив у Рагиля?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.